

«УТВЕРЖДАЮ»

Ректор
ФГБОУ ВО «Калмыцкий Государственный Университет
имени Б.Б. Городовикова»

Салаев Б.К.

п. 30 » августа 2022 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

на диссертацию Лю Цяна на тему «БУДДИЗМ В ДЖУНГАРСКО-ЦИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (КОНЕЦ XVII В. – СЕРЕДИНА XVIII В.)»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 5.6.2. - Всеобщая история

Буддизм играл особенную роль в отношениях между Джунгарским ханством и Цинской империей. Это обусловлено не только условиями взаимодействия этих государств, но также активностью иных участников этого процесса – Тибета, России, российских калмыков. Деятельность лам, от религиозной до дипломатической, имела большое значение в разноплановых контактах ойратов Джунгарии и маньчжурского двора, поэтому комплексное изучение роли буддизма в джунгарско-цинских отношениях является давно назревшей задачей в исторической науке.

Диссертационное исследование Лю Цяна посвящено решению этой сложной и комплексной задачи и дает во многом новое представление о том, каково было вовлечение буддизма в отношения между этими государствами. Специфичным моментом было и то, что и джунгары, и маньчжуры объявляли

себя «настоящими» последователями учения школы Гелук, которая лишь в сер. XVII в. пришла к власти в Тибете, т. е. фактически тогда же, когда стали складываться Джунгария и Цинская империя.

Изучение темы позволяет понять не только развитие джунгарско-цинских отношений в контексте роли религии, но и ее одновременную актуализацию в разных парадигмах, проявлявшиеся как боевые столкновения, переговорный процесс, торговое взаимодействие и др. Исследование Лю Цяна важно и для уяснения различных вопросов по истории калмыков. Диссертация содержит в себе интересные решения и идеи, недостаточно изученные в исторической науке, чем также подчеркивается ее актуальность.

Диссертация написана на базе большого массива источников на китайском языке, в т. ч. в переводе с тибетского и маньчжурского, на русском языке, в т. ч. в переводе с монгольского, тодо усуг (ойратского и калмыцкого), маньчжурского, китайского и тибетского, на английском языке. Следует отметить работу автора в архиве АВПРИ и обнаружение там уникальных документов, и отдельно – активное использование им уже опубликованных архивных материалов. К работе были привлечены известные труды специалистов из России, Китая, Монголии и других стран.

Структура и хронологические рамки диссертационного исследования Лю Цяна логичны, обоснованы, соответствуют цели и задачам диссертации. Диссертация состоит из Введения, четырех глав, Заключения, Списка использованных источников и литературы.

Во Введении автор, указывая на актуальность исследования и отмечая, что «специальное изучение роли и значения буддизма в джунгарско-цинских отношениях позволит наиболее полно представить непростой ход взаимодействия Джунгарии и Цинской империи, понять роль в них светских и религиозных лидеров империи, Тибета и монгольских народов» (с. 5), в дальнейшем последовательно придерживается этой идеи. Проанализировав труды специалистов, он заключает, что «российские исследователи более обращают внимание на общеойратскую историческую тематику, западные

склонны к теоретическим изысканиям, а китайские занимаются особенными узкими периодами, отдельными ойратскими субэтносами» (с. 17).

Представленные научные положения сформулированы логично и вытекают из цели, задач, предмета и объекта диссертации, аналогичное можно отметить и в отношении структуры основной части.

В первой главе «Буддизм при первых правителях Джунгарии» автор изучает образование Джунгарского ханства, начало распространения учения Гелук среди этих ойратов, роль маньчжуров в треугольнике «Тибет - ойраты – восточные монголы».

Лю Цян анализирует основные события, связанные с активностью джунгаров, выделяет Хара-Хулу и его сына Батур-хунтайджи и уделяет внимание съезду 1640 г. Отмечает спор о дате начала распространения учения Гелук у ойратов (с. 39-41) и приводит мнение китайских ученых Цай-У-Цзя-Фу и Цзин Хая, что первыми в начале XVII в. это учение приняли торгуты и хошуты, чьи лидеры в 1610 г. отправили гонцов к Четвертому Далай-ламе (с. 41-42). На с. 44 он пишет, что в укреплении джунгарами свое влияния среди ойратов религиозный фактор сыграл не последнюю роль.

Диссертант находит отдельные причины интереса маньчжуров к тибетскому буддизму в деятельности прежних династий Юань и Мин (с. 50-52). Он обсуждает положения Далай-ламы и монгольского духовного лидера Джебцун Дампа Хутухту во взаимодействии с цинским двором (с. 53-54). Далее пишет, что ухудшение положения Гелук было связано не только с ситуацией в центральном Тибете, но и в Амдо (регион на северо-востоке Тибета), что в последующем и обусловило интерес ойратов (хошуты) к овладению этой богатой местностью. Уделено внимание религиозной деятельности хоршуты, т. к. без этого сложно понять ситуацию с религией в Джунгарии. Лю Цян изучил мнения специалистов (Х. Ричардсон, А. С. Мартынов, Т. Д. Скрынникова, С. Группер и др.) по вопросу поездки Далай-ламы ко двору в 1652 г., и отмечает стремление Цинов поднять авторитет Гуши-хана среди ойратов и развивать отношения с Далай-ламой (с. 68). Автор

логично связывает эти события и процессы с последующим стремлением джунгаров наладить тесное взаимодействие с Далай-ламой (с. 69).

Далее приведены малоизвестные сведения из китайских работ, что Энсахутухту (который позже «возродится» в джунгарском лидере Галдане) был среди посланников лидеров Гелук к ойратам в 1634 г., и что Галдан обучался в Лхасе вместе с Сангье Гьяцо, будущим дикпой (с. 70-71). Также Лю Цян, справедливо отметив, что «пребыванию Галдана в Тибете посвящено немного исследований» (с. 71) дает малоизвестную информацию о его обучении в монастырях и тесных связях с Далай-ламой (с. 73-75, 79-81 и др.). Его внимание к фигуре и значению Галдана заслуживает похвалы – диссертант не только отмечает его карьеру, но и проводит сопоставление с иными фигурами и событиями того же периода и приходит к верному выводу, что «в такой ситуации обладание новым джунгарским правителем высокого духовного звания «хутухта» ставило его на совершенно новый уровень положения» (с. 74). Это повлияло на последующие действия Галдана: подчинение ойратов Джунгарии и населения Восточного Туркестана своей власти, развитие контактов с цинским двором, борьбу с распространением ислама. Диссертант не упускает из вида и политику двора по отношению как к джунгарам, так и к восточным монголам – в последнем случае, для достижения мира среди них, император Канси обратился за помощью к Далай-ламе.

Во второй главе «Джунгаро-тибетские отношения и религиозная политика династии Цин (1688-1717 гг.)» анализируется значение буддизма для Джунгарии и ее соседей в указанное время. Это был принципиальный период, поскольку проявились панмонголистские устремления Галдана, пожелавшего возродить общемонгольскую империю, используя потенциал буддизма; специфика ситуации состояла и в том, что была «налицо борьба ойратского и монгольского перевоплощенцев, обладавших солидными и уважаемыми предшественниками» (с. 90). Лю Цян изучает ситуацию в контексте событий в соседних регионах, которые и определили особенное внимание императора к деятельности Галдана. В своей активности этот

джунгарский лидер проявлял себя как защитник буддизма, однако и император считал себя таковым. Показательно, что их первое столкновение случилось именно в сфере религии: увещевая Галдана прекратить войну в Халхе (фактически – против Богдо-гэгэга – с. 101), император обратился за помощью к Далай-ламе, при этом и джунгарский лидер апеллировал к буддизму и тибетскому лидеру (с. 94-95, 98-99). Автор указывает на серьезную ошибку джунгарского правителя – тот «не отдавал должного внимания значению и роли императора, его влиянию на сферу буддизма, не говоря уже о силе империи» (с. 101).

Разгром Галдана сопровождался активной дипломатической деятельностью лам каждой из сторон, и это также подтверждает значение религии в джунгарско-цинских отношениях. Лю Цяну удалось показать логику действий императора в духовной сфере, представить единое полотно событий, объясняющих политику двора в отношении сангхи во Внутренней и Внешней Монголии с учетом развития ситуации в Тибете (где регент много лет скрывал смерть Пятого Далай-ламы) и у джунгаров (у которых к власти пришел Цэван-Рабдан) (с. 108-109). Также связно показано развитие ситуации в Тибете после кончины Шестого Далай-ламы и опасность возникновения ситуации, когда тибетские и джунгарские лидеры могли заключить союз. Джунгарско-маньчжурское взаимодействие зависело от развития имиджа отношений с тибетскими духовными лидерами (с. 123).

Лю Цян приходит к мнению, что политика Цэван-Рабдана была направлена на укрепление позиций в ханстве и осторожное развитие отношений с тибетскими лидерами и Цинской империей. В конце 1690-х гг. Далай-лама даровал ему титул «Эрдэни Жюрюкту Батырь контайша» (с. 130).

В безусловную заслугу диссертанта следует поставить достаточно подробный разбор религиозной и политической активности Цэван-Рабдана: помощь монастырям и ламам, усиление за счет подчинения торговцев Санчжапа и народов Восточного Туркестана. Все это привлекло внимание и Джунгарии со стороны двора. С 1715 г. империя стала готовиться к войне, при

этом для морального давления были подключены и ламы, например Богдо-гэгэн. Кроме того, император выдвинул Цэван-Рабдану заранее невыполнимые требования (с. 135-136). Суммируя изложенное, Лю Цян приходит к выводу, что около «1715 г. соперничество между хошутами и джунгарами в споре о легитимности Далай-ламы достигло апогея» (С. 139), при этом первых поддерживал двор.

Третья глава «Тибетский фактор в джунгарско-цинских отношениях (1717-1735 гг.)» начинается с описания причин джунгарского похода в Тибет в 1717 г., среди которых упомянуто обращение к Цэван-Рабдану лам ведущих монастырей Гелук помочь сместить Лхавзана и вернуть к правлению «легитимного» Далай-ламу. Отмечается, что «для джунгаров чрезвычайно важно было обеспечить влияние в Тибете не столько по стратегическим соображениям... сколько по религиозно-политическим причинам. Контроль над Тибетом и ламами означал контроль над монгольским миром» (с. 144). Автор считает, что Цэван-Рабдан хотел передать власть в Потале кумбумскому Далай-ламе либо Панчен-ламе.

В тексте диссертации идет ссылка на Джамбадорджи, что джунгары «были почитателями желтой веры и утверждали, что они являются милостынедателями именно учения святителя Богдо-Цзонхавы» (с. 150). Поэтому императору нужно было не просто изгнать джунгаров из Тибета, но и «завоевать расположение тибетцев», и процесс отправки нового Далай-ламы из Кумбума в Лхасу и интронизации был тщательно подготовлен. Действительно, события 1717-1720 гг. обусловили кардинальные перемены цинской политики в отношении Тибета и Джунгарии (с. 152). Далее диссертант вступает в полемику с мнением ряда западных специалистов, считающих, что назначение Калсана Гьяцо инкарнацией Пятого, а не Шестого Далай-ламы есть проявление неверного понимания тибетского буддизма. Как пишет Лю Цян, следует обратить внимание на политические контексты развития самого тибетского буддизма и специфику его взаимодействия со светской властью (с. 154). Он приводит мнение О. Латтимора, что в то время

«ламская церковь» получила большое политическое значение (с. 155).

В этой связи следует отметить заслугу диссертанта, изучившего особенный источник – «Джунгарский эдикт» 1721 г. – текст на стеле, где подчеркиваются заслуги предков императора, всегда поддерживавших тибетский буддизм, а джунгары были отнесены к врагам веры (с. 160).

Джунгарам не удалось подчинить себе и Амдо. Это стало ясно после того, как хошутско-цинские трения из-за новой системы управления в Тибете привели в 1723 г. к восстанию цинхайских хошутов (с. 168) – тогда императору удалось его подавить и провести там административные реформы.

Интересно мнение автора, что «джунгары, видимо, попали под влияние цинской пропаганды, будто они («китайцы») являются истово верующими буддистами и потому поддерживают буддизм» (с. 176). Надо заметить, что в то время религия была представлена буквально во всех сферах жизни любого общества, и ламы играли важную роль в повседневной, в т. ч. политической, жизни ханства и его взаимоотношениях с Китаем и Монголией.

Далее в тексте логично соотнесены важные события одного периода: приход к власти в Тибете Пхоланая, угроза нашествия джунгаров и нестабильность в Амдо – все это обусловило решение императора выселить Далай-ламу из Лхасы в регион Кхам в конце 1728 г. (с. 182).

В марте 1729 г. вышел указ императора о начале войны с Джунгарией. В указе джунгарские правители, начиная с Галдана, названы изменниками, угрожавшими захватить Монголию, Кукунор и Тибет. Военные действия измотали обе стороны, и в 1732 г. Галдан-Церен предложил мир, который император принял. Это привело к ряду позитивных последствий: уменьшению численности цинских гарнизонов, возврату Далай-ламу в Лхасу, росту торговых операций в регионе (с. 184).

В главе 4 «Буддизм в джунгарско-цинских отношениях в 1735 - 1755 гг.» отмечается нарастание роли религии в идеологии и политике Джунгарского ханства и Цинской империи. Автор отмечает действия нового джунгарского правителя Галдан-Церена по поддержке буддизма (с. 192, 193).

В Джунгарии были представлены практически все направления тибетского буддизма (с. 194). Интерес представляет мнение, что для Галдан-Церена была важна верность Чингисхану, нежели его институтам, поскольку последние перешли к маньчжурам от чингисида Лигдана-хагана (с. 195). Также отмечается, что джунгарский правитель пытался наладить отношения с калмыками, испорченные при его отце Цэван-Рабдане (для джунгаров буддизм был важным показателем единой идентичности с калмыками (с. 203)), это вызвало отправку к первым специального цинского посольства. Автором приводятся уникальные сведения из документов, хранящихся в АВПРИ, о роли религии в политике джунгаров в понимании маньчжурского двора (с. 198), и примеры использования религии (письмо от Далай-ламы к калмыцким лидерам) в политике самих маньчжуров (с. 200). В последнем случае «святость» «восточной страны», т. е. Китая, ее благополучие и процветание напрямую связываются с деятельностью далай-лам, начиная с Третьего. Калмыков пытались привлечь к войне с джунгарами, но безуспешно.

Внимания заслуживает информация о том, что при обсуждении религиозных вопросов двор разрешил Галдан-Церену отправить в Лхасу караван для свершения различных религиозных треб, хотя все контакты джунгаров с тибетцами были фактически запрещены (с. 206-207). Следует согласиться с мнением, что «для борьбы с Джунгарией Цины использовали идеологию, которая основывалась на двух мощных идейных началах – в мирской сфере обладанием наследственным правом на чингисидство для верховенства над монголами, в сакральной – аналогичное право на продолжение отношений, бывших в свое время между монгольской династией Юань и сакьяскими лидерами Тибета» (с. 210).

Между тем тайные связи с джунгарами Чжургомед-Намгьяла, ставшего во главе Тибета после смерти его отца Пхоланая, привели не только к его убийству в 1750 г., но и передаче власти в стране Далай-ламе (с. 211-213). Таким образом, ситуация в Тибете для цинского двора в целом оказалась управляемой, оставался лишь «джунгарский вопрос», когда религиозный

фактор должен был сыграть важную роль.

Следует отметить вдумчивый, внимательный и беспристрастный подход диссертанта к анализу действий и решений императора в отношении позволения джунгарским ламам обучаться в монастырях Пекина, однако переписка с джунгарскими правителями ни к чему не привела (с. 215-218), а вскоре начавшаяся у них междоусобица и вовсе лишила этот вопрос своего значения. Империя ввела войска на территорию ханства, но для маньчжуров было важно использовать не только военную, но и религиозную составную военных действий. Так, император приказал привлекать на свою сторону население различными способами, в том числе с использованием лам, тех, кто знал тибетский язык (с. 221), поэтому диссертант безусловно прав, когда отмечает, что у Цинов в «отношении джунгаров и их лидеров религиозный фактор использовался с самыми разными контекстами и содержанием» (с. 223); аналогичное он отмечает и в части ойратов (там же). Дальнейший вывод логичен: «для борьбы с противниками, ссылающихся на свою роль в покровительстве буддизму, кроме военного ответа, маньчжуры успешно использовали свой имидж как охранителей буддизма, пекущихся о процветании учения Будды» (с. 225). Также ими использовался идентичностный прием – близость в разных сферах с монгольскими народами.

Автор завершает главу параграфом, где рассматривает проявления буддийского фактора во внутренней и внешней политике императоров Китая. Изучив в контексте изложенного материала такой важный источник, как «Ламашо» (1792), где император Цяньлун излагает свое видение отношений между династиями Юань, Мин и Цин, с одной стороны, и тибетскими и монгольскими религиозными иерархами, с другой, Лю Цян заключает: «монархия в Китае неизменно стояла... на сакральном основании. Безусловно, свое значение имел и политический фактор – императоры должны были выступить в роли учеников или покровителей в системе традиционных отношений тибетских иерархов с иноземными правителями, в противном случае это место могло быть занято монголами, а такой союз уже нес в себе

потенциальную угрозу маньчжурскому государству» (с. 234-235).

Диссертантом путем проведенного исследования получены основные научные результаты, выносимые на защиту. Обоснованность выводов аргументируются солидной источниковой базой, фундаментальными теоретическими обоснованиями и необходимым методологическим инструментарием. Выводы диссертанта достоверны, обоснованы и самостоятельны, они дают адекватную реконструкцию роли буддизма в отношениях между Джунгарским ханством и Цинской империей.

Результаты, полученные диссертантом, имеют важное теоретическое и практическое значения, могут применяться в дальнейшей работе по изучению проблем, касающихся политического значения буддизма в истории кочевых и оседлых народов, истории ойратско-маньчжурских отношений, при изучении вопроса религиозно-этнической идентичности, а также по другим темам, имеющих отношение к истории Джунгарского ханства и империи Цин. Введенные в диссертацию данные и информация из малоизвестных источников и научных изысканий зарубежных (прежде всего китайских) ученых, использованные методы и апробированные гипотезы могут быть актуальны для дальнейшей научной работы. Материалы диссертации имеют практическое значение, могут быть использованы для подготовки курсов лекций в высших учебных заведениях по таким специальностям, как «Зарубежное регионоведение», «История», «Международные отношения».

В целом диссертационное исследование Лю Цяна выполнено на высоком научном уровне и содержит обоснованные выводы. Вместе с тем следует высказать некоторые замечания:

1. Автор считает, что Джунгарское ханство появилось в 1635 г. (с. 37), таково общее мнение большинства исследователей-ойратоведов, однако ханство может быть при условии наличия правителя-хана, первым же ханом стал Галдан около 1678 г. Проблема определения времени начала существования Джунгарии как ханства уже много лет вызывает дискуссии среди специалистов, она нуждается в специальном

комплексном исследовании, примерно таком же, как и в отношении термина «джунгар»: по мнению диссертанта, часть ойратов стала зваться джунгарами с 1637 г. (с. 57), но в русских архивных документах джунгары упоминаются еще с 1620-х гг.

2. На с. 150 утверждается, что известный Гоманг-лама Лобсан Пунцог был сыном Цэван-Рабдана, тогда как он был его племянником; следовательно, Дарма-Бала тоже была не родной сестрой Галдан-Церена (с. 203), а двоюродной, она была родной сестрой Лобсана Пунцога и соответственно племянницей Цэван-Рабдана.

3. Имеются технические погрешности: разные варианты написания имен (Джебцун Дампа Хутухту (с. 53) и Джебцун-дампахутухту (с. 90); Дорджи Далай-Батур и Дорчжи-Далай-Батур (с. 116)); опечатка: вместо «дхармараджа» написано «драхмараджа» (с. 58); некоторые слова «склеились» (с. 60, сн. 186; с. 61, 89, 92 и др.); стилистические упущения: «официально провозглашен официальной религией» (с. 39); на с. 77, сн. 244 есть завершающие кавычки фразы, но нет начальных.

Высказанные замечания не умаляют достоинств диссертационного исследования Лю Цяна, они носят скорее рекомендательный характер для дальнейшей научной работы соискателя, определяя акценты и перспективы, и, безусловно, не снижают значения проделанной работы и ее высокой оценки.

Автореферат соответствует содержанию диссертации, ее основные идеи изложены в публикациях автора, в том числе в трех статьях, изданных в журналах, рекомендованных ВАК РФ в качестве рецензируемых для защиты кандидатских и докторских диссертаций (Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история; Ориенталистика).

Диссертация Лю Цяна является логически структурированным, завершенным, оригинальным, обладающим практическим значением научным исследованием, где поставлена и решена актуальная задача, имеющая важное научное и практическое значение. Диссертация соответствует п.п. 9-11 «О

порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013. № 842 (в ред. от 30.07.2014 № 723), предъявляемым к кандидатским диссертациям, а её автор Лю Цян заслуживает присуждения степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. – Всеобщая история.

Отзыв подготовлен доктором исторических наук, профессором, зав. кафедрой всеобщей истории гуманитарного факультета Калмыцкого Государственного Университета им. Б. Б. Городовикова Кольцовым Петром Михайловичем, обсужден и одобрен на заседании кафедры всеобщей истории гуманитарного факультета Калмыцкого Государственного Университета им. Б.Б. Городовикова 30 августа 2022 г. Протокол № 1.

Заведующий кафедрой всеобщей истории
гуманитарного факультета
Калмыцкого Государственного Университета
им. Б. Б. Городовикова

П. М. Кольцов

Подпись П. М. Кольцова заверяю:

Калмыцкий Государственный Университет им. Б. Б. Городовикова
358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, улица Пушкина, 11
Телефон: +7 84722 4-10-05, +7 84722 2-39-69.
Web-Сайт: kalmgu.ru
Электрон. почта: history@kalmsu.ru